

в первой повести. Основанная на более ранних источниках, эта повесть не могла возникнуть ранее утверждения Даниила на галицком столе (это случилось, примерно, в 30-х годах XIII в.) и имела задачей прославление Даниила Романовича и его брата Василька, о котором сказано: „бе бо в Володимере млад“ (имеется в виду Владимир Волынский).¹

Замечательнее всего, что повесть о Калкской битве была пропущена в Лаврентьевской летописи, отразившей владими́ро-суздальское летописание первой половины XIII в. Впрочем, следы знакомства владими́ро-суздальского летописца с повестью о Калкской битве сохранились. Дав рассуждение о неизвестном происхождении татар, согласно новгородской летописи, владими́ро-суздальский летописатель сообщает краткие сведения о битве и поражении русских князей, добавляя, что по слухам („глаголють бо тако“) одних киевлян погибло 10 тысяч. В заметке о Калкской битве, помещенной в Лаврентьевской летописи, чувствуется какая-то недоговоренность, точно стремление оправдать бездействие северных князей. Летопись говорит, что Юрий послал на помощь южным князьям своего племянника Василька, но „не утяну Василко прити к ним на Русь“. Последние слова заметки о Калкской битве в Лаврентьевской летописи повторяют в сокращении заключительную фразу об общей печали. Более позднее происхождение этой заметки по сравнению с повестью, помещенной в новгородской летописи, обнаруживается в странной ошибке Лаврентьевской летописи, по которой битва произошла 30 мая на мученика Ермия. Между тем память Ермия приходилась не на 30, а на 31 мая, как это и указано в новгородской летописи.²

Калкская битва для русских людей первой трети XIII в. была крупнейшим и печальнейшим событием. „И тако за грехы наша бог вложи недоумение в нас и погыбе много бещисла людей, и бысть вопль и плач и печаль по городом и селом“ — такими словами кончается повесть о битве при Калке в новгородской летописи. Замечательнее

¹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 495—497.

² Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 423—424. — Дальнейшая история повестей о Калкской битве представляла собой развертывание и дополнение сводной повести, составленной из соединения повестей, помещенных в Новгородской Синодальной и в Ипатьевской летописях. Наиболее древний вариант такой повести, как кажется, надо видеть в повести, помещенной в Академическом или Троицком списке XV в. (Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 477—483). Повесть о Калкской битве, помещенная в Воскресенской летописи (ПСРА VII, стр. 129—132), продолжает только развитие сводной повести. Поэтому ошибочны рассуждения В. Т. Пашуто (Ист. зап., т. 26, стр. 286—287) о тексте повести в Воскресенской летописи, якобы, восходящем к некоему летописному киевскому своду 1238 г. Источники сводной летописи, а она дошла в малоизмененном виде в Воскресенской летописи, восходят к двум сказаниям, помещенным в Ипатьевской и Новгородской Синодальной летописях. Это чрезвычайно легко установить, дав три параллельных текста, что, конечно, не значит, что мы отрицаем существование киевского летописного свода, устанавливаемого В. Т. Пашуто.